

Михаил Венюков

К истории заселения Западного Кавказа

Михаил Венюков

**К истории заселения
Западного Кавказа**

«Public Domain»

1875

Венюков М. И.

К истории заселения Западного Кавказа / М. И. Венюков —
«Public Domain», 1875

«Я приехал на Кавказ в конце 1861 года, т. е. в самый разгар той войны, которая, три года спустя, решила окончательно участь этой страны. Восточный Кавказ в то время был уже покорен, и бывший вождь его, Шамиль, мирно проживал в Калуге. На западном — Магомет-Аминь, поставленный в ложное положение действиями шапсугов и абадзехов, вынужден был, при нашем содействии, переселиться в Стамбул...»

© Венюков М. И., 1875

© Public Domain, 1875

Содержание

I.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Венюков

К истории заселения Западного Кавказа 1861–1863 гг.

Я приехал на Кавказ в конце 1861 года, т. е. в самый разгар той войны, которая, три года спустя, решила окончательно участь этой страны. Восточный Кавказ в то время был уже покорен, и бывший вождь его, Шамиль, мирно проживал в Калуге. На западном – Магомет-Аминь, поставленный в ложное положение действиями шапсугов и абадзехов, вынужден был, при нашем содействии, переселиться в Стамбул. Война шла с неумолимою, беспощадной суровостью. Мы подвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде, чем деревья одевались зеленью (в феврале и марте); посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию. Сколько раз приходилось в опустевших при нашем приближении хижинах заставлять на столе теплую кашу с воткнутою в нее ложкой, починявшуюся одежду с невыдернутой иглой, какие-нибудь детские игрушки в том виде, как они были разложены на полу, около ребенка. Иногда – к чести, впрочем, наших солдат, очень редко, – совершались жестокости, доходившие до зверства... Жестокости эти были тем возмутительнее, что были совершенно не в духе доблестных русских солдат – обыкновенно столь добродушных.... Таков был характер войны. Целые племена, как бесленеевцев, были выселены облавой в течение одного – двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов на Фюнфте и Фарсе горели дня три, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда, в феврале 1862 г., начались движения наши для изгнания этих горцев.... Понятно, что война, так веденная, быстро приводила к решительным результатам. Русские жители передовых, едва водворенных станиц успевали уже в самый год поселения заводить огороды, даже обрабатывать небольшие поля, если только позднее время года не препятствовало тому. Жизнь по станицам была шумная, иногда даже искренно веселая. Мирная песня, а то и бурный казачок, наигрываемый на бала-лайке, нередко слышались там, где еще год тому назад раздавались гром выстрелов и военные клики.

Переселение 1862 года шло чрезвычайно успешно. Но я, как сказано, приехал на Кавказ еще в 1861-м, а в этом году было два эпизода, доказывавшие, что даже доблестные, самоотверженные казаки Кубанского войска шли не совсем охотно на передовые линии, где они становились лицом к лицу с неприятелем не одни свои дружины, испытанные в бою, а жен и детей, старцев и малолетних, то есть все, что дорого мужу, отцу, брату, сыну и проч. Удивляться такой неохоте оставлять родину, конечно, нельзя; но вспомнить события стоит уже потому, что каждая страница истории Кавказа нам дорога, а между тем некоторые из этих страниц неохотно пишутся нашими историографами *ex-officio*. Я пробовал, в свободное от службы время, на биваках и в лагерях, а частью и в Ставрополе, когда удавалось там быть, записывать кое-что из виденного и слышанного. В 1863 году я даже составил было общую историческую записку о колонизации западного Кавказа; но, дав ее одному, интересовавшемуся делом, значительному лицу в Петербурге, я не получил ее обратно, а требований к нему предъявлять не мог. Остались в моем портфеле кое-какие разрозненные материалы бывшей работы. Из них-то некоторые решаюсь ныне обнародовать, чтобы снасти от весьма возможного и даже вероятного забвения. Пусть читатели не взыщут за сухость и бессвязность предлагаемого: это ведь сырой материал в самом точном смысле слова. Впрочем, связь видна

из самых документов; для пояснения же сущности дела, о котором идет речь, достаточно напомнить, что весной 1861 г., при переселении за Кубань казаков хоперских и черноморских, обнаружена была ими некоторая оппозиция, очень легальная по форме, но вооруженная, хотя не поведшая за собой пролития крови. Все участвовавшие в агитации были безусловно помилованы Государем Императором в том же 1861 году, при личном посещении Его Величеством западного Кавказа, и многие из них потом с честью продолжали служить на коне и в советах. По весьма понятной причине я опушу все собственные имена, заменив их одними заглавными буквами.

М. И. Венюков.

I.

Выписка из отзыва главнокомандующего Кавказской армией военному министру, от 2-го апреля 1861 г.

..... «Переселение казаков, особливо Кубанского войска, в больших массах за Лабу и далее, по предгорьям обоих скатов Кавказа, может совершиться в несколько лет. Для полного окончания этого важного предприятия, нужно передвинуть большую массу казачьего населения из нынешних мест жительства, начиная переселение со станиц, более удаленных от театра действий. или пользующихся наименьшими хозяйственными удобствами.

Для удовлетворения этой потребности я признал нужным принять на северном Кавказе различные системы, приспособленные к местным удобствам, именно: 1) в бывшем Черноморском войске назначать переселенцев поочередно из округов, начиная с Ейского. Войсковому начальству предоставлено определять число семейств к переселению из каждой станицы, а станичному обществу – назначать самые семейства по жребию или по общественному приговору. Из числа станиц, от которых требуются семейства на переселение, исключаются лежащие при море и лиманах, где развито рыболовство, и ближайшие к Кубани, чтобы не обессилить пограничного населения. 2) В шести бригадах, поступивших из бывшего кавказского линейного войска, будут переселяться целыми станицами первые полки, как более удаленные от театра действий. Из этого будут исключены отставные казаки с их семействами, в числе коих однако же не войдут совершеннолетние женатые сыновья. 3) В Терском войске переселение будет делаться на прежнем основании. Как в этом войске не предполагается теперь увеличивать размеры этого невеселения, то настоящий отзыв мой касается собственно Кубанского войска.

Переселение целых станиц или наибольшей их части указало необходимость новой меры, которая при прежнем порядке не имела места. Когда из станиц назначалось по несколько семейств переселенцев, эти последние легко могли продавать усадьбы своим бывшим одностаничникам и переходили на новые места, не оставляя ничего на старых. При переселении целых станиц продажа усадеб сделалась невозможною. По существующему положению, их имеет право купить только лицо войскового сословия, а иногородному могут быть проданы строения на-слом. Эти строения – или каменные, или турлучные: в обоих случаях они теряют при сломе всю свою ценность. Поэтому справедливость требует вознаграждать переселенцев, без чего даруемое им пособие будет недостаточно для устройства на новых местах. По самой умеренной цене усадеб, в нынешнем же году потребуется значительная сумма, которой нельзя отнести на государственное казначейство. С другой стороны, казаки, готовясь к переселению, прислали мне станичные приговоры, в которых убедительно просят войти в их положение относительно покидаемых усадеб.

Сознавая справедливость просьбы казаков, основанной на их опасении потерять дома, сады, мельницы, заведенные многолетними трудами, и в то же время, находя необходимым по возможности облегчить положение казачьих семейств, переселяющихся для общественной пользы, я должен был искать в самом крае средств для удовлетворения этой новой потребности. Предлагаемая мною мера потребует изменения некоторых постановлений, общих всем казачьим войскам; но эти изменения согласны с требованиями нашего времени и государственной пользой.

«Две части, из которых составилось нынешнее Кубанское казачье войско, до сих пор весьма различны между собою и имеют только то общее, что благосостояние казаков, при всех богатствах края, не развивается. На это есть очень много причин и между ними главные: замкнутость казачьего сословия и пользование землею всем войском, без права приобретать часть оной в собственность. Они отнимают у казака естественное стремление к

улучшению своего быта, к настойчивому труду для своего потомства, мешают гражданскому развитию края, наконец, делают то, что казачье войско имеет вид населения неоседлого и составляет резкую аномалию между другими сословиями. Но замкнутость казачьего сословия имеет другую, более важную сторону: она развивает дух отдельности в государстве. В бывшем Черноморском войске, состоящем из малороссиян и хранящем предания Запорожской Сечи, эта отдельность принимает вид национальности (Как верно оценили черноморцы опасность утратить эту «отдельность, близкую к национальности» при переселении за Кубань по плану кавказских начальств, видно ниже. – прим. М. В.) и выражается нерасположением к иногородцам, которых казаки недружелюбно называют москалями. Слияние бывшего Черноморского войска с Кавказским может действовать против этого, особенно вредного в настоящее время, начала; но необходимо, чтобы слияние это было не только административное, а проникло в самый быт казаков.

Учреждение казачества на границе империи есть, конечно, государственная необходимость; но она должна быть терпима не как нормальное положение, а только в мере потребности и на то время, которое эта исключительная потребность будет существовать.

Кубанское войско имеет свое дворянство, сравненное в правах с дворянством империи. Но главными из этих прав оно не может пользоваться, и потому здесь буква расходится со смыслом закона. Дворянин Кубанского войска обязан служить 25 лет; он не может выбирать места и рода службы по своим наклонностям и способностям, а должен служить в войске; он обязан с потомством оставаться в тесном кругу своего войска; он не имеет права приобретать в собственность землю, на которой трудится с сознанием, что после его смерти эта земля достанется в чужие руки, и что он ничего не может сделать прочного для своего потомства.

От этого дворяне Кубанского войска занимаются в хозяйстве более скотоводством, чем хлебопашеством, и во всем крае нельзя найти ни одного порядочного дома или усадьбы из прочных материалов. Все сделано из турлука или земляного кирпича, все носит на себе печать равнодушия и неуверенности в будущем; одним словом: казачьи войска ближе подходят к эпохе первобытного человечества, чем к условиям нынешнего быта благоустроенных гражданских обществ.

«Пользование землею всем войском и замкнутость казачьего сословия произвели то, что промышленность в этом крае не существует, а торговля, или, лучше сказать, мелочное торгашество, находится в руках нескольких армян без капитала и без кредита (Отсутствие капиталов в Черномории особенно ясно видно из отсутствия в целом крае порядочных дорог и строений, не исключая даже тор. Екатеринодара. Еще в 1863 году последний не имел мощеных улиц, вследствие чего грязь после дождей бывала невылазная. Почтовая станция находилась за городом, и содержатель ее не был обязан ввозить проезжающих в город. Дамы, собиравшиеся куда-нибудь на вечер, должны бывали в бальных нарядах садиться в кареты часов с 4-х пополудни и ехать по несколько часов сряду на волах, которые погрязали по брюхо; мужчины ездили верхами. Напротив, после пяти – шести дней жары, густая пыль носилась в воздухе, скрывая от обитателей одной стороны улицы дома, стоящие на другой. Экономическая неразвитость Екатеринодара в 1860-х годах видна еще и из того, что на три местные ярмарки, по свидетельству атаманского отчета за 1862 г., привозилось товаров на 3.450,000 руб., а продавалось всего на 760,000 руб. – Не знаю, на сколько эти обстоятельства изменились теперь. – прим. М. В.). В этом богатом и обширном крае, на расстоянии 600 верст, находится один только войсковой город, Екатеринодар, где иногородные торговцы и промышленники имеют право жить временно, не устраивая на войсковой земле никакой недвижимой собственности. К этой печальной картине нельзя не прибавить самую резкую черту неразвитости края во всех отношениях. Черномория вся состоит из богатейшего чернозема; засухи там почти неизвестны, но и при таких неисчерпаемых богатствах почвы Черномория даже в урожайные годы не производит столько хлеба, сколько его нужно для народ-

ного продовольствия (По отчету войскового атамана за 1862 г., «Средний урожай хлебов по Кубанской области был по 1 1/3 четверти на душу, чего, за отчислением семян, было достаточно для народного продовольствия только потому, что масса взрослых мужчин, состоявших на службе, получала довольствие от казны». – Ныне, по умиротворении Кавказа, эти условия изменились, и, по отчету за 1870 год в Кубанском войске собирается на душу по 3 четверти. – прим. М. В.).

В бывшем Черноморском войске, под влиянием особенного положения об отбывании полевой службы, войсковое дворянство умножилось до такой степени, что сделалось тягостью для края. Таким образом достигнулась цель совершенно противоположная той, которой должно было ожидать от сословия, по образованию, богатству и общественному уважению назначенного идти впереди народа к преуспеянию. Замкнутость казачьего сословия и недостаток на месте средств к образованию сделали то, что войсковые дворяне очень мало отличаются от простых казаков. Если некоторые из них имеют более обширное хозяйство, то большею частью оно содержится при стеснении простых казаков в пользовании общей землей (Об этом см. некоторые подробности ниже, в записке полковника З*.– прим. М. В.). От этого в народе всегда поддерживается чувство нерасположения к дворянам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.